

То давнее, мягкое и тёплое мгновение у ворот дворца уже тогда, когда он был ещё подростком, посеяло в сердце мальчика семя. За долгие годы оно проросло, пустило корни, разветвилось и расцвело, и вырвать его стало невозможно.

В тот день, когда старый наставник по указу Императора отправился в павильон Жуи читать лекции, он, выходец из Академии Ханьлинь, держал в руках пожалованную Императором книгу. Когда евнух, сопровождавший его, отворил ворота двора, наставник застыл на месте.

Стены двора облупились, краска осыпалась, а мох по углам полз вверх, покрыв уже половину кладки. Под галереей дремали два дряхлых евнуха; заметив гостя, они лишь лениво приоткрыли глаза и не потрудились даже подняться, чтобы поприветствовать его.

Лишь Хунли уже стоял у входа, принарядившись. Его одежда была старой, но выстиранной до безупречной чистоты. Прижимая к груди учебные пособия, он при виде наставника почтительно поклонился:

— Ученик Хунли приветствует наставника.

Старик почувствовал, как сжалось его сердце, и поспешил поднять мальчика. Войдя в комнату, он окончательно пал духом: в разгар знойного лета здесь не было даже ледяного подноса, духота стояла, как в пароварке. Лишь письменные принадлежности на столе, хоть и не первой свежести, были расставлены аккуратно, а кипы исписанной бумаги лежали в высокой стопке.

Закончив утреннюю лекцию, наставник не вернулся к себе, а напрямик направился во дворец Циньчжэн Цинсянь. Он был учителем, выбранным самим Императором, и не мог утаить правду о столь бедственном положении принца.

В тот момент Юнчжэн как раз закончил просматривать доклады о судоходстве и пил чай, чтобы передохнуть. Услышав рассказ наставника, который, стоя на коленях, докладывал о ветхости павильона Жуи и небрежении слуг, Император резко сжал чашку. Та с глухим стуком ударилась о стол.

— Что ты сказал? Четвертый принц живёт в таком месте? — голос Юнчжэна был холодным, как лёд, а в глубине глаз бушевала ярость. Раньше он презирал Хунли за его происхождение и оставил его в саду Юаньминъюань, чтобы тот не мозолил глаза, но он и представить не мог, что его родной сын, принц династии Цин, живёт хуже, чем дети богачей за пределами дворца.

— Отвечаю Императору, я не осмелюсь сказать ни слова лжи, — поклонившись, произнёс наставник. — Четвертый принц, несмотря на суровые условия, усердно учится и обладает твёрдым характером, что поистине похвально. Однако то, что сын Императора живёт в такой нищете, роняет достоинство всей династии.

Юнчжэн глубоко вдохнул, подавляя гнев, и громко позвал Су Пэйшэна:

— Иди и расследуй! Проверь всё досконально: куда уходили выделенные на четвёртого принца

средства в течение трёх лет, как устроено снабжение павильона Жуи! Выясни всё до последней монеты!

— Слушаюсь! — видя, что Император в ярости, Су Пэйшэн не посмел медлить и немедленно направился в Управление внутренних дел и павильон Жуи.

Не прошло и двух часов, как Су Пэйшэн вернулся с докладом. Он опустился на колени, низко склонив голову:

— Отвечаю Императору, я всё выяснил. Средства на содержание четвёртого принца уже три года как урезаются Управлением внутренних дел. Главный евнух оправдывается, будто не знал, что его подчинённые набивали карманы, воруя у принца. А прислугу приставили во время коронации Императора.

Он помедлил и понизил голос:

— Я также выяснил, что в последние годы никто из дворца не навещал и не заботился о четвёртом принце. Расходы третьего принца за один месяц в три раза превышают годовое содержание четвёртого.

— Хорошо! Просто великолепно! — Юнчжэн рассмеялся от гнева и ударил ладонью по столу, отчего доклады разлетелись по полу. — Где же моя Императрица? Я сделал её Императрицей, поручил ей управлять шестью дворцами и сделал главной матерью всех принцев. Вот так она заботится о моих сыновьях?!

Он всё прекрасно понимал. У Императрицы не было своих детей, и, с трудом добившись права воспитывать третьего принца, она возложила на него все свои надежды. А так как мать Хунли была низкого происхождения и у него не было никакой поддержки, она просто махнула на него рукой.

— Передать указ! Пусть Императрица немедленно явится в Циньчжэн Цинсянь!

Меньше чем через полчаса Императрица поспешно прибыла. В душе у неё была тревога, но лицо сохраняло подобающее достоинство. Она вошла и поклонилась:

— Приветствую Императора, желаю вам здоровья.

— Здоровья? — Юнчжэн холодно взглянул на неё, в его глазах не было ни капли тепла. — Мне кажется, ты мечтаешь, чтобы я ослеп и оглох, раз не замечаю, во что превратили моего сына!

Императрица, стараясь сохранять спокойствие, ответила:

— Император, прошу, не гневайтесь! Я была недальновидна и не знаю, чем провинилась перед вами, прошу, укажите мне на мою ошибку.

— Не знаешь? — Юнчжэн указал на Су Пэйшэна. — Расскажи Императрице всё по порядку! Пусть она услышит, как именно она выполняет обязанности главной матери!

Су Пэйшэн подробно пересказал всё: и жалкое положение четвёртого принца, и урезание его средств. Лицо Императрицы постепенно бледнело, и она поспешно начала оправдываться:

— Император, прошу, будьте справедливы! Я невиновна! Дел в гареме так много, что я по неосторожности упустила из виду четвёртого принца — это моя вина. Но я действительно не знала, что Управление внутренних дел обворовывает его! Наверняка это подчинённые действовали у меня за спиной, я обязательно сурово накажу их, когда вернусь!

— Не знала? — Юнчжэн насмешливо прервал её. — Императрица! Ты моя законная жена, Императрица династии Цин! Ты прекрасно знала, что мать четвёртого принца давно скончалась и у него нет защиты. Вместо того чтобы исполнить свой долг и позаботиться о нём, ты тайком притесняла и травила его. Вот как ты представляешь себе пример матери для Поднебесной?

Он распалялся всё сильнее, его голос дрожал от ярости:

— Я вижу, ты направила всё своё внимание не на то! В твоих глазах только третий принц, а остальные дети для тебя — лишь камни преткновения! Ты не можешь их терпеть, верно?!

Юнчжэн в этот момент совершенно забыл, что и сам презирал четвёртого принца; если бы не его отношение, кто посмел бы обидеть принца?

Императрица побелела от слов Юнчжэна. Она опустилась на колени:

— Не смею! Прошу, будьте справедливы, у меня не было таких мыслей! Это моя нерадивость, прошу, простите меня!

— Нерадивость? Ты не справилась со своим прямым долгом главной матери! — Юнчжэн смотрел на неё с глубоким разочарованием. — С сегодняшнего дня содержание четвёртого принца должно выплачиваться в полном объёме согласно статусу принца. Павильон Жуи немедленно отремонтировать, а Управлению внутренних дел подобрать восемь надёжных слуг и евнухов! Если я ещё хоть раз услышу о притеснениях, спрошу с начальника Управления внутренних дел!

Он снова взглянул на коленопреклонённую Императрицу, его тон был холодным и жёстким:

— Возвращайся и размышляй о своём поведении за закрытыми дверями! Учись тому, что значит быть матерью государства! Когда поймёшь, тогда и приходи ко мне! Делами шести дворцов отныне временно будут заниматься Благородная супруга Хуа и наложница Вэнь.

Императрица годами управляла гаремом и никогда ещё не подвергалась такому публичному унижению. Ей было стыдно и обидно, но она могла лишь поклониться:

— ...Слушаюсь, Император.

Выходя из зала, она чувствовала себя опустошённой. Летнее солнце слепило, вызывая головокружение, и Цзянь Цю поспешила подхватить её под руку.

Весть о том, что Императрицу отстранили от власти, к полудню облетела весь сад Юаньминъюань. Благородная супруга Хуа была уверена, что после падения Императрицы власть перейдёт полностью в её руки, но никак не ожидала, что Император поделит её с Ань Линжун.

Вернувшись в свои покои, она в ярости разбила чашку:

— Кто такая эта Ань Линжун! Подумаешь, знатное происхождение — неужели она достойна управлять гаремом вместе со мной? Император явно боится, что я стану слишком сильной, и использует её, чтобы разделить власть!

Цао Циньмо, качая на руках принцессу Вэньи, мягко посоветовала:

— Госпожа, прошу, успокойтесь. Император сейчас благоволит к наложнице Вэнь, она осторожна и осмотрительна, поэтому он ей доверяет. Но подумайте сами: если она получит власть и сохранит расположение Императора, а потом ещё и родит ребёнка, останется ли нам место в этом гареме?

Лицо Благородной супруги Хуа помрачнело:

— Говори прямо.

Цао Циньмо отослала слуг и, придвинувшись к уху своей госпожи, прошептала:

— Госпожа, нам не нужно действовать грубо, хватит одного хода, чтобы погубить её навсегда. Я знаю, что в Императорской больнице есть лекарство для сохранения плода, от которого у женщин пропадают месячные, начинаются тошнота и сонливость — точь-в-точь как при беременности. Но внутри никакого плода нет, и через месяц всё вскрыется.

Мы прикажем лекарю под предлогом заботы о вашем здоровье из-за недавних трудов отправить это лекарство Ань Линжун. Она ни о чём не заподозрит. А когда у неё диагностируют беременность, об этом узнает весь гарем. Через месяц мы подбросим на путь Императора её испачканную повязку. Тогда её обвинят в симуляции беременности ради благосклонности и обмане Императора. Даже если он к ней равнодушен, спасения ей не будет.

Глаза Благородной супруги Хуа загорелись:

— Займись этим. Сделай всё тайно, чтобы ни единого звука не просочилось наружу!

— Слушаюсь, госпожа, — в глазах Цао Циньмо мелькнула злая искра.

Спустя несколько дней в павильоне Аньхуачунь.

Лекарь Ли делал вид, что проверяет пульс, и с притворной заботой произнёс:

— Наложница Вэнь, вы много трудились над делами гарема, кровь ваша ослабла. Я выпишу отвар для поддержания плода, он поможет и вам, и будущему наследнику. Пейте его каждый день.

Вскоре перед ней поставили чашку с тёмным отваром, в аромате которого скрывалась едва уловимая горькая нотка. Ань Линжун с детства разбиралась в ароматах и сразу поняла — запах не тот.

Вспомнив сюжет оригинальной истории, она сразу всё поняла: Благородная супруга Хуа хочет подставить её, обвинив в ложной беременности. В оригинале этот план предназначался Шэнь Мэйчжуан.

Но сейчас Шэнь Мэйчжуан не пользовалась расположением, а Император передал управление делами ей и Благородной супруге Хуа, поэтому та была к ней недоброжелательна.

Ань Линжун не подала виду и вежливо поблагодарила лекаря Ли, приказав Цин Лань принять лекарство. Как только тот ушёл, она вылила отвар в горшок с цветами у кушетки и ласково погладила свой живот. На губах её играла едва заметная улыбка.

Три дня назад она тайно пригласила лекаря Ван, которого подготовила семья Линь, и тот подтвердил: она действительно беременна, плод крепкий, уже около месяца. Чтобы обезопасить себя, она пока хранила это в тайне.

Благородная супруга Хуа изо всех сил плела интригу с ложной беременностью, но угодила прямо в ловушку — Ань Линжун была беременна по-настоящему.

Следующий месяц Ань Линжун играла свою роль: каждое утро делала вид, что её тошнит, отказывалась от сладкого, жаловалась на сонливость. Она каждый день вызывала лекаря Ли для проверки пульса. Благородная супруга Хуа и Цао Циньмо считали, что план удался, и с нетерпением ждали момента, чтобы нанести удар.

Прошёл месяц.

Император прибыл в павильон Ваньфан Аньхэ и устроил пир для наложниц. Благородная супруга Хуа, рассчитав время, тайком приказала служанке выбросить окровавленную повязку у дороги, по которой все должны были проходить мимо павильона Аньхуачунь.

Когда процессия достигла дороги, зоркий Су Пэйшэн заметил подозрительную служанку и окликнул её. Девушка испугалась и поспешила выбросить предмет за дерево.

Су Пэйшэн подобрал его и с мрачным видом доложил:

— Император! На дороге задержана служанка, которая назвалась прислугой павильона Аньхуачунь. Она выбросила... предметы женской гигиены наложницы Вэнь.

Благородная супруга Хуа нетерпеливо выступила вперёд и, притворяясь разгневанной, указала пальцем на Ань Линжун:

— Император! Наложница Вэнь беременна уже месяц, а у беременных менструаций быть не может. Появление этой вещи рядом с её павильоном вызывает большие подозрения!

Наступила тишина. Наложницы замерли от страха, косясь на Ань Линжун.

Ань Линжун посмотрела на Благородную супругу Хуа:

— В этом павильоне живу не только я. К тому же я действительно беременна, госпожа Хуа, прошу, выбирайте выражения.

Лицо Императора потемнело. Он заметил нетерпение Благородной супруги Хуа и переводил взгляд с одной на другую, его голос звучал холодно:

— Наложница Вэнь всегда была добродетельна, как она могла совершить подобный обман? Забить эту служанку до смерти!

Ань Линжун решила не отпускать Благородную супругу Хуа. Она выглядела слабой, напуганной и глубоко несчастной:

— Император, с тех пор как я узнала о своей беременности, я каждый день была осторожна, не смела совершить ни единого обмана. Почему госпожа Хуа так клеветает на меня? Прошу, будьте справедливы!

Она опустила голову, слёзы катились по щекам, плечи подрагивали. В ней не было паники, и это смягчило сердце Императора.

— Ты до сих пор притворяешься жалкой! — крикнула Благородная супруга Хуа. — Беременна ты или нет, проверить легко — позовите лекаря Ли!

Юнчжэн, поразмыслив, решил ради чести наложницы Вэнь вызвать лекаря.

Когда Су Пэйшэн привёл лекаря Ли, тот поспешно проверил пульс Ань Линжун. Он почувствовал неладное, но в такой момент не мог отступить от заранее оговорённого плана.

— Пульс наложницы не похож на обычную беременность, скорее на действие лекарств.

Благородная супруга Хуа торжествующе посмотрела на Ань Линжун:

— Что ты теперь скажешь? Какая дерзость — обманывать Императора и симулировать беременность ради внимания!

Ань Линжун со слезами на глазах посмотрела на Императора:

— Император, я не теряла вашего расположения, я ещё молода, и беременность была лишь вопросом времени. Зачем мне прибегать к таким уловкам? Я прошу призвать лекаря Ван из Императорской больницы для публичного обследования. Лекарь Ван всю жизнь был честен и беспристрастен, его слово самое надёжное.

Юнчжэн кивнул:

— Позвать всех придворных лекарей!

Вскоре лекари прибыли. Лекарь Ван опустился на колени и проверил пульс. Прошло лишь мгновение, как его лицо стало серьёзным, и он громко провозгласил:

— Отвечаю Императору! Наложница Вэнь беременна по-настоящему, плод крепкий, уже более месяца, никакой лжи! Клянусь своей головой!

Благородная супруга Хуа пошатнулась, словно от удара молнии:

— Это невозможно! Наложница Вэнь явно подкупила вас! Где другие лекари? Дело касается наследника, нельзя верить лишь одному!

Цао Циньмо тоже выступила вперёд:

— Император, Благородная супруга Хуа печётся о благополучии династии. Лекарь Ван ведь человек наложницы Вэнь, кто знает...

Она не договорила, но смысл был ясен. Юнчжэн приказал остальным лекарям осмотреть её. Но все они подтвердили слова лекаря Ван.

Император пришёл в ярость и метнул взгляд на лекаря Ли, словно нож:

— Почему ты сказал, что с плодом что-то не так? Говори правду! Если солжёшь хоть на слово, я уничтожу твой род до девятого колена!

Лекарь Ли, и так напуганный до смерти, рухнул на колени, кланяясь до пола:

— Пощадите! Я скажу всё! Это Благородная супруга Хуа! Это она и госпожа Цао приказали мне давать наложнице Вэнь это лекарство, чтобы имитировать ложную беременность и подставить её! Я был вынужден исполнить приказ, у меня не было выбора!

Ань Линжун опустилась на колени, рыдая:

— Император, я думала, что лекарь Ли просто помогает мне заботиться о здоровье, я не знала о заговоре. Если бы у меня не было истинного плода, я бы сегодня никогда не отмылась от этой клеветы!

Юнчжэн был потрясён. Он думал, что Шилань просто избалована, но не ожидал такой жестокости. Это коснулось самого важного — его наследника. Однако он вспомнил, что Нянь Гэньяо держит в руках войска на Северо-Западе и на него полагается двор.

Он подавил гнев и холодно произнёс:

— Благородная супруга Хуа, клан Нянь, за жестокость и клевету на наложницу — лишить титула Благородной супруги, отобрать право управления шестью дворцами, запретить в покоях Лоуюэ Кайюнь, без указа не покидать их!

Цао Циньмо за подстрекательство лишить ранга Благородной госпожи и понизить до Постоянной, принцессу Вэньи передать на воспитание госпоже Цзин, лишить жалованья за год и приказать размышлять о проступках!

Цао Циньмо не могла смириться с тем, что у неё отберут Вэньи, и хотела молить о пощаде, но Юнчжэн даже слушать её не стал и приказал увести.

— Лекаря Ли — за предательство и покушение на наследника — забить до смерти, родню сослать в Нингута!

Благородная супруга Хуа хоть и лишилась титула и власти, но сохранила жизнь, однако её прежний спесивый нрав был сломлен.

Юнчжэн подошёл к Ань Линжун и лично поднял её. В его глазах было столько боли за неё, что он нежно погладил её по спине:

— Линжун, я виноват перед тобой. Я не смог защитить тебя от таких испытаний.

— Мне не обидно, главное — сохранить наследника, — Ань Линжун прижалась к плечу Императора, всё такая же покорная и мягкая.

Видя её зависимость и невинность, Юнчжэн тут же издал указ:

— Наложницу Вэнь, род Ань, за кротость и добродетель, за то, что носит наследника, возвысить до ранга Благородной супруги Вэнь и даровать право управления шестью дворцами!

Сказав это, он увёл Ань Линжун обратно в павильон Аньхуачунь.

В этот день Ань Линжун сидела у окна, просматривая документы от Управления внутренних дел, на её лице отражалась лёгкая печаль. По временной шкале пришло время для инцидента с перевозкой провианта Ань Бихуаем.

Цин Лань принесла отвар для сохранения плода и прошептала:

— Госпожа, господин Ань уже десять дней как отправился с обозом, скоро должны быть новости, не стоит так сильно тревожиться.

Ань Линжун подняла глаза, в них отразилась идеальная доля беспокойства:

— Отец такой прямолинейный, а на Северо-Западе война не утихает. Надеюсь, он вернётся живым, мой ребёнок так ждёт своего дедушку.

Эти слова звучали так кротко и почтительно, что все слуги восхищались её сыновней преданностью. Никто не знал, что эта печаль — лишь маска. Ещё в самом начале, когда Ань Бихуай получил указ, она поняла, что он труслив и жаден. Оставлять его в живых — значит позволить ему в будущем потянуть её и её ребёнка на дно.

Она тайно приказала дяде, чтобы, как только Ань Бихуай присвоит часть провианта, его устранили, бросили тело среди хаоса войны и имитировали смерть в бою, защищая груз, при этом уничтожив и сам провиант. Она не хотела, чтобы он оставил после себя добрую память, поэтому велела оставить улики, намекающие на его вину.

А она, от начала и до конца, будет играть роль убитой горем дочери, которая ни о чём не знает.

Через два дня донесение о катастрофе на Северо-Западе достигло Циньчжэн Цинсянь, а затем дошло и до гарема: отряд Ань Бихуаи был перехвачен врагами, он героически погиб, защищая провиант, который был уничтожен огнём войны.

Когда весть дошла до павильона Аньхуачунь, Ань Линжун как раз держала в руках лекарство. При этих словах её пальцы дрогнули, чашка со звоном упала, забрызгав платье. Глаза её расширились, лицо побледнело, и она без чувств повалилась назад, бормоча:

— Отец... этого не может быть... как же так...

Она упала в обморок.

Очнувшись, она плакала навзрыд, волосы её растрепались, она пыталась подняться и, встав на колени в сторону Северо-Запада, била поклоны, рыдая так, что сердце разрывалось:

— Отец! Дочь ещё не успела отплатить за твою любовь, почему ты оставил меня?! Я неблагодарная дочь!

Юнчжэн, услышав о таком горе, каждый день навещал её в павильоне, сжимая её руки:

— Линжун, не плачь. Твой отец — герой, отдавший жизнь за страну. Я посмертно пожаловал ему титул, щедро одарил вашу семью. Ты носишь наследника, не вреди себе.

Ань Линжун прижималась к груди Юнчжэна, дрожа от рыданий. Каждое её слово было пропитано тоской, и эта сцена глубоко тронула Императора.

Она разыграла этот спектакль безупречно.

Лишь Четвертый принц Хунли, наблюдая из тени, заметил нечто странное. Заметив, что Линжун так переживает, он с помощью своих немногочисленных связей начал следить за следами отряда Ань Бихуая. Обнаружив следы того, что кроме врагов, на Ань Бихуая напали и свои, Хунли крепче сжал свиток.

С детства он знал, как коварны люди. Благодаря тому, что Ань Линжун однажды помогла ему, он знал, что за её мягкостью скрывается острый ум. Он догадался, что эта «героическая смерть» — продуманный план Линжуна ради самосохранения. Но его беспокоило другое: как она, притворяясь перед людьми, страдает в одиночестве, не вредит ли это её ребёнку?

<http://bllate.org/book/21976/2283850>